

© 2002 г. В.И. ШАХОВСКИЙ, В.В. ЖУРА

## ДЕЙКСИС В СФЕРЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В. фон Гумбольдт неоднократно отмечал, что "любая отдельная человеческая индивидуальность, взятая в ее отношении к языку, – это особая позиция в видении мира" [Гумбольдт 1984: 80–84, 162–173]. На эту позицию влияет множество факторов, как собственно языковых, так и неязыковых: социальных, культурных, этнических, психологических, гендерных. Благодаря этому все люди различны как внутри языкового общества, так и за его пределами, в том числе и по параметру "Восток–Запад". Эти параметры влияют существенно на фокус эмпатии, на понятийные точки зрения и следовательно, на вербалику видения мира, внешнего и внутреннего. Они же влияют и на различное понимание (интерпретацию) одного и того же высказывания разными коммуникантами. В.А. Звегинцев обратил внимание филологической герменевтики на то, что говорящие и слушающие извлекают из отдельных высказываний (устных и письменных) значительно больше информации, чем содержится в них как языковых образованиях [Звегинцев 1976: 206]. Это индивидуальное приращение, трансформация смыслов высказывания объясняется той или иной точкой отсчета в сознании говорящего и слушающего, характеризующей их "Я", которое всегда индивидуально и по форме и по содержанию вербалики. "Сознание не просто дублирует с помощью языковых средств отражаемую реальность, но выделяет в ней значимые для субъекта признаки и свойства, конституируя их в реальные обобщенные модели действительности" [Петренко 1988: 12].

Ценностные ориентиры языковой личности определяются ее индивидуальным дейксисом, конституентом которого является внутренний эмоциональный космос "Я". Все ценностные ориентиры "Я" эмоционально окрашены и влияют на вербальное поведение языковой личности (далее – ЯЛ). В каждом отдельном случае говорящий выбирает ту или иную точку зрения (или точку отсчета) на эмоциональное/эмоциогенное событие. Эта точка зрения всегда является личностной, глубоко уходящей в фоновые знания говорящего и его эмоциональный опыт, и поэтому на поверхности не всегда мотивированной для речевых партнеров. Ч. Филмор называет такую точку зрения семантической перспективой [Филмор 1981: 517–521]. Существуют и другие номинации рассматриваемого нами феномена – "угол зрения", "способ видения" [Duden 1962: 434, 463, 465], "интенция" [Кацнельсон 1988: 110] (в нашем понимании – неварьируемая эмоциональная интенция ЯЛ. – В.Ш., В.Ж.), "фокус внимания" [Welter 1980: 291], "понятийная точка зрения" [Минский 1979: 52–53].

Фиксированные в сознании ЯЛ индивидуальные понятия о ценностных ориентирах превращаются в дейктики, система которых формирует эмоциональный дейксис ЯЛ, реализуемый "тиранией слов", которая определяет модели и стереотипы ее вербального поведения в эмоциональном общении. Такова в общих чертах концепция эмоционального дейксиса, которая предлагается в данном исследовании. В своем дальнейшем изложении мы будем исходить из следующих гипотез:

1. Параметричность эмоций должна быть экстраполирована не только на лексический уровень, но и на уровень эмоционального высказывания, что позволяет считать эмотивность полистатусной категорией.

2. Особый характер взаимодействия между эмоцией и когницией проявляется, в частности, в том, что различные виды когнитивных оценок по-разному вербализуются в эмотивной речи. При рассмотрении способов вербализации эмоций особую роль играет выявление прототипических ситуаций возникновения эмоций.
  3. Вербализация эмоций осуществляется сообразно с потребностями "лица" адресанта/адресата.
  4. Для изучения вербализованных эмоций актуальным является выявление таких параметров, как эмотивная интенция субъекта речи, модальность, тональность и направленность его эмоций. Взаимодействие этих параметров определяет эмоциональное речевое поведение говорящего в конкретной эмоциональной ситуации.
  5. Эмоциональный дейксис языковой личности и является результатом сложной системы ее взаимоотношений с окружающим микро- и макромиром и определяется целым рядом факторов, в том числе и вышеперечисленными.
- Перейдем к изложению теоретического обоснования данных гипотез.

### 1. ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ДЕЙКСИС КАК МОТИВ ВЕРБАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ КОММУНИКАНТОВ

В силу многогранности, многофункциональности и сложности такого феномена, как эмоциональная сфера человека, он все чаще становится объектом пристального внимания различных наук (психология, медицина, кибернетика, лингвистика и др.). В современной психологии и психолингвистике существуют различные подходы к проблеме эмоций. И н т р а с у б ъ е к т и в н ы й подход подразумевает изучение эмоционального опыта и выражения эмоций индивида, что в наиболее общем виде может быть сформулировано как изучение влияния эмоций на отдельно взятого человека. В центре внимания м е ж л и ч н о с т н о г о подхода находятся особенности трансляции и декодирования эмоций (адекватность, точность). В рамках с о ц и а л ь н о г о подхода изучается влияние социальных и культурных факторов (ценности, нормы и т.д.) на язык эмоций [Gallois 1993: 311].

В современной науке нет единого мнения относительно того, какие признаки или факторы должны учитываться при определении понятия "эмоция". По мнению одних исследователей, эмоции могут быть определены в терминах необходимых и достаточных условий [Cloue, Ortony 1991], другие считают возможным объяснять сущность эмоций посредством представления прототипических сценариев [Russell 1991b], третьи предполагают существование неких эмоциональных примитивов (базовых эмоций), при помощи которых должны описываться все прочие эмоции [Johnson-Laird, Oatley 1989].

Результаты различных попыток определить сущность эмоций служат еще одним подтверждением известного диалектического тезиса о единстве эмоционального и рационального в познании. С.Л. Рубинштейн одним из первых обратил внимание на двойственную природу эмоции, которая "включает в себя единство аффективного и интеллектуального, переживания и познания" [Рубинштейн 1984: 156]. В настоящее время проблема взаимодействия эмоционального и рационального при изучении эмоций рассматривается на уровне соотношения эмоции и когниции. Согласно одной точке зрения, эмоции существуют до проведения их когнитивной категоризации в сознании индивида [Zajonc 1984]. Для аргументирования данной точки зрения приводится факт наличия базовых эмоций, представляющих собой эмоциональные примитивы, не поддающиеся представлению при помощи когнитивных структур. Другая точка зрения заключается в том, что эмоции полностью когнитивно и социально обусловлены [Lasarus 1984].

Рассмотрим некоторые определения эмоций, разработанные в р а м к а х т о р о г о подхода, который, по нашему мнению, более близок к истине.

По мнению ряда психологов и лингвистов (Дж. Клор, А. Коллинс, Н. Фрийд, Т. Гем, П.Н. Джонсон-Лэрд, К. Оутли и др.), эмоции неразрывно связаны с когнитивной оценкой, так как являются ее результатом [Шаховский 2001]. В основе такой оценки лежит соответствие/несоответствие какого-либо события и потребностей субъекта оценки [Frijda 1986: 102, 257]. В структурном плане любая эмоция может быть представлена как определенная последовательность, которая включает условие возникновения, когнитивную оценку, физиологическую активацию, изменения на уровне готовности к осуществлению действий, а также само действие (там же). П. Джонсон-Лэрд и К. Оутли, размышляя о сути эмоций, приходят к выводу о том, что эмоция включает в себя эмоциональный сигнал и пропозициональное содержание, представляющее собой в "расшифрованной форме" когнитивную оценку того, что его вызвало [Johnson-Laird, Oatley 1989: 85]. Думается, что именно такую пропозицию эмотивных высказываний имеет в виду Л.А. Пиотровская, когда говорит о "логизированном" компоненте их значения [Пиотровская 1995: 125].

Нами уже проводилось выделение различных видов оценки (моральная, этическая, социальная, бытовая и пр.), лежащей в основе вербальных эмотивных реакций [Шаховский 1988: 115]. Рассмотрим, как соотносятся эмоции и оценка на уровне их вербальной презентации. Прежде всего отметим, что эта презентация в эмотивных высказываниях связана с двумя видами оценки: первичной и вторичной. Эмоции, связанные с первичной оценкой (эмоциональные состояния), вербализуются потому, что им предшествовала оценка, а эмоции, связанные со вторичной оценкой (эмоциональные отношения), выражаются для того, чтобы дать оценку какого-либо объекта [Пиотровская 1995: 108–111]. Нам представляется, однако, что на вербальном уровне само взаимодействие между оценкой и эмоциональной реакцией в виде эмоционального состояния или отношения имеет более сложный характер. Допустим, что первичная оценка (в понимании Л.А. Пиотровской) может привести к появлению некоторой эмоциональной реакции (например, возмущению). В этом случае неясным остается, какая оценка релевантна в ситуации, когда способом экспликации эмоционального состояния (например, обиды) становится вербализация неодобрения или осуждения (например, упрек), то есть отрицательная оценка либо положительная самооценка (например, оправдание). Именно в этом смысле мы считаем, что эмоция является не только результатом определенного вида оценки, но и сама может служить основанием оценки [Шаховский 1988: 116]. Подобный двойственный характер отношений между эмоцией и оценкой должен оказывать существенное влияние на способы их вербального воплощения в эмотивных речевых актах [Поспелова 2001: 53–57].

В вербализации эмоций, на наш взгляд, необходимо выделять два этапа. На первом этапе осуществляется *п е р в и ч н а я о ц е н к а* эмоциональной ситуации, т.е. то, что С. Шлехтер называет сопоставление "по памяти или по чувству" возбуждения, возникающего в какой-либо ситуации, с эмоцией, специфической в плане тональности, направленности и модальности [Изард 1999: 51], т.е. фактически – когнитивная оценка. *В т о р и ч н а я о ц е н к а* представляет собой уже вербализованное выражение когнитивной оценки.

Рассмотренные точки зрения стали основанием для выдвижения нами гипотезы о том, что различия между отдельными видами вербализованных эмоций являются результатом отражения разных видов первичной когнитивной оценки. Исследование вербалики таких эмоций как осуждение, неодобрение, отвращение, презрение (направленных эмоций) показало, что специфика каждой из них определяется не только характером оценки (соответственно, этическая, деррогативная или гедонистическая), но и степенью ее категоричности (высокая – осуждение, низкая – неодобрение, средняя – презрение, отвращение). Основную роль при этом играют оценочная лексика, лексические выразительные средства и стилистические приемы, например, "*Мошенник он, продажная душа, взяточник, плут, казну обворовал! Его скоро под суд отдадут!*" (осуждение + возмущение) (Достоевский. Чужая жена и муж под кроватью). В вербализации таких эмоций как возмущение, отчаяние, удивление

(ненаправленные эмоции) оценочные слова и лексические стилистические средства играют второстепенную роль, о чем свидетельствует их слабая представленность в высказывании, либо обязательность их интенсификации посредством синтаксических средств. Возрастает роль синтаксических, синтактико-стилистических, морфологических средств, в том числе и средств, представляющих собой нарушения системных правил английского языка, например: "*I did not kill her! I did not kill her! It is all lies! I never kill her – never...*" (отчаяние) (Christie. The ABC Murders).

Определение роли вербального выражения эмоций в межличностном общении должно осуществляться, на наш взгляд, в контексте значимости эмоций вообще [Пищальникова 1989]. Традиционно значимость эмоций для индивида определяется теми функциями, которые они выполняют в процессе его жизнедеятельности [Шаховский 1988]. Определяющим моментом для уяснения значимости эмоций является, по нашему мнению, то, что эмоции представляют собой механизм репрезентации субъектом личностного смысла отраженных им явлений в форме оценки отношения этих явлений к реализации потребностей субъекта речи [Шаховский, Сорокин, Томашева 1998б].

Категория "потребностей" субъекта как отправная точка для возникновения эмоциональных переживаний занимает значительное место в психологических и лингвистических исследованиях. Отметим, что в различных теориях эмоций, разработанных в зарубежной лингвистике, используются различные термины для обозначения этого понятия: потребности, мотивы, планы, цели. Все эти термины обозначают некие мотивационные конструкторы, лежащие в основе деятельности индивида, результатом существования которых и являются различные эмоции. Как справедливо отмечает Н. Фрийда, причиной возникновения эмоций является выполнение/невыполнение условия удовлетворения потребности, под которым он понимает соответствие ситуации некоторому стандарту [Frijda 1986: 335–336]. Исследователь выделяет две основные группы потребностей: глубинные и поверхностные. К первой группе относятся потребности, условиями удовлетворения которых являются такие состояния индивида, как безопасность, сексуальное удовлетворение, способность к совершению чего-либо и др. Поверхностные же потребности определяются им в терминах специфических целей (например, возмущение по поводу нарушения прав человека) [Frijda 1986: 338].

Роль вербального выражения эмоций на межличностном уровне также может быть определена с точки зрения степени удовлетворения различных потребностей индивида. На уровне межличностного общения значимость эмоций может быть представлена в том числе и в терминах теории вежливости, разработанной П. Браун и С. Левинсоном. Центральным понятием данной теории является "лицо", под которым исследователи понимают позитивную социальную значимость, свой собственный имидж, на который претендует некий индивид. К двум главным потребностям "лица" данные авторы относят: 1) потребность беспрепятственно осуществлять собственную деятельность, а также не допускать покушения на собственные права, владения, частную собственность и т.д. (потребности "негативного лица"); 2) потребность в уважении и любви других людей (потребности "позитивного лица") [Brown, Levinson 1987: 61]. Определенные виды речевых актов оказывают различное воздействие на "негативную" и "позитивную" ипостаси "лица". Например, извиняясь, говорящий совершает акт самоуничижения, то есть совершает нежелательное действие в отношении своего "позитивного лица", а критикуя кого-либо или не соглашаясь с кем-либо, "посягает" на "позитивное лицо" своего адресата. Такие речевые акты квалифицируются П. Браун и С. Левинсоном как угрожающие "лицу" акты (лицеугрожающие), следовательно, эмоциональные и эмоциогенные.

Опыт исследования эмоциональных проявлений индивида посредством изучения их влияния на "лицо" партнера по общению уже имел место в статье С. Шиманофф, посвященной видам эмоционального самораскрытия, применяемым супругами. Было установлено, что различные виды эмоционального самораскрытия по-разному "взаи-

модействуют" с "лицом" речевого партнера, что является важным условием достижения определенного перлокутивного эффекта. С. Шиманофф выделила четыре типа эмоционального самораскрытия по отношению к "лицу" собеседника: восхваляющие (одобрительные высказывания), компенсирующие (например, оправдание), нейтральные (неоценочные высказывания о третьем лице), угрожающие (неодобрительные высказывания) [Shimanoff 1987: 85–86].

Итогом рассмотрения значимости эмоций и их различных вербальных презентаций является вывод о том, что необходим учет характера взаимодействия между потребностями "лица" как адресанта, так и адресата. Интересным представляется также факт, выявленный в результате анализа различных типов оправдательных высказываний. Было отмечено, что не только различные типы эмотивных высказываний по-разному взаимодействуют с потребностями "лица" адресата, но даже в рамках одного типа высказываний (обладающих идентичной эмотивной интенцией) могут быть найдены отличающиеся стратегии такого взаимодействия. В оправдательных высказываниях применяются две главные стратегии: стратегия "самоуничужения" и стратегия "самовыгораживания". Первая основана на отрицательной оценке собственных действий субъектом речи (угроза "позитивному лицу" субъекта речи) и является имплицитным способом заботы о "лице" адресата (готовность субъекта речи "возвысить" своего речевого партнера путем унижения своего "позитивного лица"):

*"Forgive my making such an exhibition of myself. I was going to be such a fine early Greek, you know, and I turned out only a late Milesian – quite out of the decadence"* (Frederic. The Damnation of Theron Ware, or Illumination).

*"Боже, как я виноват перед вами! – вскричал он с глубокой горестью. – О, как гнусно я думал о вас в своей мнительности... Простите меня, Аркадий Макарович!"* (Достоевский. Подросток).

В первом из приведенных примеров маркерами "стратегии самоуничужения" является аллюзия, построенная на контрастировании полярных по оценочному знаку понятий. Во втором примере такими маркерами выступают лексические единицы, выражающие отрицательную оценку собственных действий субъекта речи.

Вторая стратегия обусловлена заботой адресанта о своем "лице" (стремление уменьшить угрозу своему "лицу" и минимально понизить свой и без того низкий ситуативный статус) и находит широкое применение в ситуациях статусного доминирования адресата:

*"Ваше превосходительство! Я не такой человек. Вы ошибаетесь. Я говорю, что вы в жестоком заблуждении, ваше превосходительство. Взгляните на меня, посмотрите, вы увидите по некоторым знакам и признакам, что я не могу быть вором. ...Это все жена виновата. Я несчастный человек, я пью чащу!"* (Достоевский. Чужая жена и муж под кроватью).

*"Let me tell you this. We're not criminals. We've done nothing wrong. We loved Alan. We gave him all the best we could. All right, we quarrel sometimes – all parents quarrel – we always make it up. My husband is good man. He's an upright man, religion or no religion"* (Shaffer. Equus).

В первом из рассматриваемых примеров маркером стратегии "самовыгораживания" является имплицитная положительная самооценка, которая реализуется в виде отрицания негативной оценки, данной адресатом. С этой же целью привлекается эксплицитная отрицательная оценка внешних обстоятельств. Имплицитная положительная самооценка говорящего содержится и в указании на его непричастность к произошедшему. Во втором примере наряду с имплицитной положительной самооценкой используется эксплицитная положительная оценка, выраженная при помощи оценочных прилагательных.

В современной науке ведутся дискуссии по поводу определения принципов дифференциации эмоциональных явлений, что является условием их успешного изучения и описания. Основным принципом осуществления такой дифференциации является

параметризация эмоций, то есть выделение некоторых универсальных параметров, по которым они должны отличаться или совпадать.

В настоящее время большинство зарубежных психологов, вслед за В. Вундтом [Вундт 1984 : 47–63], выделяют три параметра (удовольствие, возбуждение, контролируемость или управляемость). При этом, как отмечает Дж. Расселл, эти параметры представляют собой некоторые понятия, имплицитированные (имплицитно заключенные) в понимание того, что есть эмоции, а также в саму семантику обозначающих их слов [Russell 1991a : 438]. Список параметров эмоций, у К. Изарда, гораздо пространнее и включает удовольствие, активность, намеренность, напряженность, импульсивность, контролируемость, самоуверенность и экстравертированность (там же). Надкультурный, универсальный характер указанных параметров отмечается и в [Osgood, May, Miron 1975].

В рамках другого подхода параметры дифференциации представляют собой аспекты когнитивной оценки обстоятельств, ведущих к возникновению той или иной эмоции [Gehm, Scherer 1988]. Согласно еще одному подходу выделенные параметры представляют собой аспекты поведения и мотивы, являющиеся следствием возникновения эмоций [Frijda 1986].

Параметризация эмоций в том виде, в котором ее представляют Т. Гем, К. Шерер, Н.В. Витт, Н. Фрейда, с одной стороны, является важным этапом в составлении таксономии эмоций, а с другой, тесно связана с проблемой разработки когнитивной модели эмоций, о необходимости которой говорит Дж. Расселл. По его мнению, такая модель должна быть эквивалентной некоторой структуре знаний, включающей информацию о том, что вызывает данную эмоцию, каков механизм ее протекания, как управлять ею и как оценивать ее возникновение [Russell 1991a : 428]. Эмоции могут быть причиной вербального поведения *homo loquens*, а с другой стороны, их причины могут находиться как в его окружении, так и внутри него [Driven 1997: 55–86].

Когнитивные модели эмоций отличаются у представителей различных национально-культурных сообществ. Согласно этой концепции, можно говорить о "гиперкогнитивированных" эмоциях вследствие тщательной разработанности их когнитивной структуры, а также большего количества языковых единиц, представляющих их в языке. На другом полюсе находятся "гипокогнитивированные" эмоции, соответственно отличающиеся слабой разработанностью когнитивной структуры, а также их малой представленностью в корпусе языковых единиц. Естественно, что результат категоризации эмоций и их вербальных коррелятов трех ипостасей (номинация, дескрипция, экспрессия) зависит от принципов их категоризации [Rosch 1978]. Одним из них может быть критерий прототипической ситуации.

## **II. ПРОТОТИПИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ КАК КРИТЕРИЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ ЯВЛЕНИЙ**

Важным теоретическим и прикладным аспектом дифференциации эмоций является выявление их прототипических ситуаций. Эта идея плодотворно разрабатывается как в отечественной, так и зарубежной психологии и психолингвистике, причем отмечается некоторое разнообразие в использовании терминов *п р о т о т и п и ч е с к а я с и т у а ц и я*, *с ц е н а р и й*, *с о б ы т и е*, *с и с т е м а ф р е й м о в* для обозначения рассматриваемого явления [Караулов 1987: 189–203; Кубрякова и др. 1996].

Изучение эмоций посредством выявления для них прототипических ситуаций связано с теорией прототипов Э. Рош. Прототипы как наиболее яркие представители какой-либо категории объектов лежат в основе языковой категоризации [Rosch 1977]. В самом общем виде и сценарий, и прототипическая ситуация могут быть обозначены как описание некоторых событий, являющихся прототипами для возникновения определенных эмоций.

Существуют различные подходы к выделению принципов, которые должны быть положены в основу составления прототипического сценария. В представлении

Р. Абелсона, сценарии эмоций включают и понимание (схема знаний, связанных с данной эмоцией), и описание поведения (реакция на переработку знаний), то есть в его модели сама эмоция является лишь частью сценария [Abelson 1981: 715–729]. По мнению Дж. Расселла, в сценарий эмоции должно быть включено только описание поведения индивида при появлении определенного эмоционального переживания [Russell 1991a: 442–443]. Исследователь отмечает также относительную "приблизительность" сценариев в силу того, что границы между эмоциями представляются весьма зыбкими и неопределенными, вследствие чего наблюдается несовпадение сценариев одних и тех же эмоций как в межкультурном пространстве, так и у представителей одного и того же национально-культурного сообщества.

Прототипические сценарии конструируются на основе различных переменных. Одни ученые считают, что такими переменными являются уже названные нами биполярные параметры эмоций (удовольствие, возбуждение, контролируемость или управляемость и др.) [Russell 1991b], другие используют в этих целях аспекты когнитивной оценки ситуации (новизна, приятность события, благоприятность для реализации целей, потребностей, потенциальная способность справиться с ситуацией, совместимость с моральными нормами и представлениями о собственном идеальном "Я" [Gehm, Scherer 1988]). В центре внимания Дж. Бучера и М. Брандта [Boucher, Brandt 1981] оказались обстоятельства, предшествующие возникновению эмоций, а для Н. Фрийда важны мотивы, желания и установки к совершению определенных действий [Frijda 1987]. П. Экмана интересуют изменения мимики, голоса, а также физиологические реакции языковой личности [Ekman 1972].

Размышляя о культурно-специфических аспектах эмоций в своих более поздних работах, Дж. Расселл приходит к выводу о том, что причины и последствия эмоций являются их прототипическими характеристиками, вследствие чего они могут быть включены в сценарии эмоций [Russell 1991a: 444]. Согласно Ю.Д. Апресяну, сценарий эмоции имеет пятифазную структуру, куда входят: первопричина эмоции (некое положение вещей); непосредственная причина эмоций (как правило, интеллектуальная оценка); собственно эмоция; желание продлить или прекратить данное состояние; внешние, в том числе и вербальные, проявления эмоции [Апресян 1995: 367–369]. А. Вежбицкая предлагает другой способ составления сценариев для толкования эмоциональных концептов. В ее понимании, сценарий эмоции – это "типичный когнитивный сценарий", пользуясь которым носители языка вычленяют определенный вид или диапазон чувств. Подобные сценарии могут быть эксплицитно представлены в терминах лексических универсалий, то есть универсальных концептов, лексикализованных во всех языках мира [Вежбицкая 1999: 507–509, 653]. Важным концептуальным моментом этого подхода является вывод А. Вежбицкой о том, что информация, представленная в таком сценарии, всегда связана с выражением определенной когнитивной оценки ситуации, в которой эксплицируется та или иная эмоция. А.А. Силин, рассматривая средства описания эмоционального состояния в португальском языке, выделяет следующие релевантные, с его точки зрения, актанты ситуации: субъект состояния, состояние и причина ситуации [Силин 1988: 6]. Это также является свидетельством важности причинно-следственных отношений для представления как прототипических сценариев эмоций, так и их ситуаций. Такое же мнение находим у П. Джонсон-Лэрд и К. Оутли. Однако эти исследователи считают, что прототипические ситуации, включающие причину эмоции, и прототипические ситуации, описывающие ее последствия, хотя и помогают отличать ее от других эмоций, тем не менее не проливают свет на характер самого эмоционального переживания [Johnson-Laird, Oatley 1989: 93], с чем трудно не согласиться.

Итогом рассмотрения различных (хотя и далеко не всех) точек зрения на составление прототипических сценариев и ситуаций эмоций можно считать утверждение о безусловной важности и необходимости описания прототипических событий какой-либо эмоции как условия ее адекватного отграничения от ряда других.

Представляется, однако, необходимым различать прототипические сценарии и ситуации. Отличительной особенностью первых, как справедливо отмечает Ю.Д. Апресян, наряду с указанием причин и следствий, является характеристика самой эмоции, а также линейный характер составляющих компонентов [Апресян 1995]. В отличие от сценария для представления прототипической ситуации несущественным является как указание на временную последовательность компонентов, входящих в ее состав, так и описание самой эмоции.

Рассмотренные выше особенности представления эмоций в языке являются необходимым условием для адекватного описания эмоционального дейксиса как отправного пункта всей речевой деятельности ЯЛ.

### **III. ПРЕЗЕНТАЦИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ДЕЙКСИСА В ЭМОТИВНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЯХ**

В современных исследованиях по теории эмотивности неоднократно подчеркивался тот факт, что обширный фонд эмотивных средств языка и речи является свидетельством важности той роли, которую играют эмоции в жизни и деятельности ЯЛ [Шаховский 1991; Филимонова 2001]. Широкое понимание "эмотивности" предполагает существование эмотивного аспекта практически в любом высказывании [Ионова 1998; Stevenson 1974].

В связи с этим встает вопрос о том, что же именно определяет и упорядочивает эмоциональное речевое поведение ЯЛ. Выше нами был продемонстрирован подход, согласно которому дифференциация, а также описание эмоций неизбежно сопряжены с их параметризацией. Однако в лингвистике такой способ изучения эмоциональных проявлений ранее использовался в основном для описания семантики слов, обозначающих эмоции, либо для составления таксономии таких слов.

При исследовании презентации эмоций на уровне высказывания (речевого поведения ЯЛ) встает вопрос о гетерогенности, кластерности и шифтерности эмоций, а следовательно, о необходимости выработки специфических приемов изучения их вербалики. Попытки изучения отдельных аспектов эмотивности высказываний уже приводили к созданию специфических моделей, включающих необходимые параметры эмоциональности [Шаховский 1988]. А.В. Селяев для выявления вербальных средств выражения положительных и отрицательных эмоций на уровне высказывания предлагает систему эмоциональных координат, в которой каждая эмоция закреплена за определенной областью пространства [Селяев 1995: 15]. По мнению автора, релевантными при изучении влияния эмоций на речевую деятельность ЯЛ являются следующие два параметра: 1) знак эмоций: неудовольствие (-) или удовольствие (+); 2) интенсивность эмоций, которая изменяется в диапазоне от успокоения до возбуждения.

Наш подход к изучению вербальных проявлений эмоций в развитие вышеупомянутых и всех других [Пиотровская 1995; Филимонова 2001], во-первых, устанавливает основные (а не отдельные) аспекты эмотивности высказываний (эмотивная интенция, модальность, направленность, тональность эмоций субъекта речи), а во-вторых, он, на наш взгляд, задает новое направление в изучении эмотивных высказываний ЯЛ. Эта новизна состоит в том, что особенности планов содержания и выражения эмотивных высказываний, использованные разными говорящими, обусловлены различающимися исходными эмоциональными позициями (точками отсчета их отношения к миру) коммуникантов в момент общения, которые мы называем их эмоциональными дейксисами.

Начало изучения проблемы дейксиса было положено Ф. Вегенером, К. Бругманом и К. Бюлером, в центре внимания которых находилось указательное поле языка. В настоящее время понятие д е й к с и с в наиболее общем виде может быть сформулировано как указание, связанное с определением некоторой точки отсчета, относительно которой оно (указание) осуществляется [Кравченко 1992: 89]. Ю.Д. Апресян



считает, что "... для многих языковых значений представление о человеке выступает в качестве естественной точки отсчета" [Апресян 1986: 31]. Мы также убеждены, что для многих языковых значений представления человека (говорящего и чувствующего) являются точкой отсчета, в том числе и эмоциональной. Находится эта точка отсчета внутри эмоционального мира конкретного человека в системе и в структуре его личностных координат, знаний, ценностей и т.п. С другой стороны, в языке имеются специальные знаки, выполняющие функцию указания [Пирс 2000: 94] на эту точку отсчета – эмотивные знаки языка, используя которые в высказываниях, ЯЛ эксплицирует свою эмоциональную позицию, т.е. свой аутодейксис [Sitta 1993: 319–328], влияющий на ее эмоциональную картину мира.

Набор эмотивных средств языка ограничен и дейктичен именно в силу того, что диапазон эмоциональных переживаний человека гораздо шире и не всегда может получить адекватное вербальное выражение. Эмотивные средства, следовательно, могут приобретать ситуативное прагматическое значение, обусловленное спецификой эмоциональной позиции субъекта речи. Сравним следующие два высказывания, созданные героем романа Ф.М. Достоевского "Подросток" Аркадием:

**"Как это странно! Как это странно слышать! – повторял я, утоная в восторге".**

**«Какая странная записка! – воскликнул я в удивлении... Да и юмор странный, – продолжал я, – гимназический условный язык между товарищами. Ну кто может в такую минуту и в такой записке к несчастной матери, – а мать она ведь, оказывается, любила же, – написать: "прекратила мой жизненный дебют"!»** (Достоевский. Подросток).

В первой ситуации дескриптивные маркеры (*в восторге*) в сочетании с оценочной вербемой (*странно*), синтаксическими конструкциями в виде восклицательного предложения и повторов позволяют эксплицировать такие эмоции как удивление и восторг. Инициальные фразы второго высказывания имеют схожее вербальное наполнение (оценочная вербема *странный*, повторы, восклицательная конструкция). Однако следующая за ними вопросительно-апеллятивная конструкция, включающая оценочную вербему (*несчастный*), свидетельствует о неодобрении или даже осуждении, то есть о том, что удивлению на этот раз сопутствуют отрицательные эмоции. Таким образом, эмоциональная позиция героя данного произведения видоизменяется, что и находит отражение в вербалике порождаемых им высказываний.

Уже не вызывает ни у кого сомнений то, что и "число антропоцентрических значений в языке гораздо больше, чем обыкновенно думают" [Апресян 1986: 31]. Эмотивное значение (коннотация) является несомненно наиболее антропоцентрическим значением [Телия 1986; 1991: 36–67], активно изучаемым в последние 20 лет прошлого столетия новой отраслью языкознания – эмотиологией<sup>1</sup>. Заслугой современных исследований является определение статуса дейксиса (он относится к речевой деятельности) и описание различных его видов: пространственного дейксиса, временного дейксиса, дейксиса "нормального состояния" и оценки, дейктических форм вежливости, текстового дейксиса (анафорического и катафорического), интеракционного дейксиса [Алферов 2001; Рахимов 1986].

Итак, в лингвистике и в психолингвистике постепенно происходит переосмысление первоначального содержания данного понятия, что позволяет представить дейксис как некоторую абстрактную модель, использование которой отвечает потребностям многих частнолингвистических задач. К числу последних относится, например, изучение стилевой стратификации языка с точки зрения социально-дейктического измерения и других особенностей социального дейксиса [Макаров 1988: 77–81; Илюшечкина 1995: 127–128], изучение влияния эмоций на речевую деятельность как результат определенного эмоционального дейксиса ЯЛ [Шаховский 1998а]. Мы относим данный

<sup>1</sup> Объектом эмотиологии является языковая категоризация эмоций и полистатусная презентация когнитивно-дискурсивной категории эмотивности [Филимонова 2001].

тип дейксиса к числу нетрадиционных и полагаем, что он прозрачно вписывается в дейктическую парадигму.

Способ концептуализации понятия эмоциональный дейксис станет более наглядным, если обратиться к пониманию дейксиса, разработанному А.В. Кравченко. Вслед за Ч. Филлмором, он считает, что "о дейксисе в современном языке можно говорить в терминах способа, которым социо-пространственно-темпоральная привязка коммуникативного акта мотивирует форму или дает материал для интерпретации высказывания, в котором проявляется этот акт, и в терминах грамматической и лексической систем в языке, которые служат для сигнализации или отражения такой привязки" [Кравченко 1992: 88]. Применительно к цели нашей статьи эмоциональный дейксис можно рассматривать как средство, которым определенные эмоциональные характеристики субъекта речи определяют специфику плана содержания и плана выражения порождаемых им эмотивных высказываний. Их лексические и грамматические особенности в свою очередь сигнализируют об их "привязке" к определенным эмоциональным характеристикам ЯЛ.

В основу экстраполяции понятия дейксис в сферу эмоциональной речевой деятельности нами были положены представления К. Бюлера о дейксисе как некоторой системе координат "субъективной ориентации", во власти которой находятся все участники общения [Бюлер 1993: 95]. Следовательно, эмоциональный дейксис можно представить как систему координат субъективной эмоциональной ориентации ЯЛ. Эмоциональный дейксис – это исходная эмоциональная позиция ЯЛ, выступающая в качестве основания для осуществления эмоциональной речевой деятельности, которое образуется в результате взаимодействия четырех параметров, представляющих собой актуальные эмоциональные характеристики субъекта речи. Такими характеристиками являются: 1) эмотивная интенция ЯЛ; 2) модальность ее эмоций; 3) тональность ее эмоций; 4) направленность ее эмоций. Эмоциональный дейксис можно представить как некоторую "точку пересечения" вышеописанных координат (в дальнейшем – параметров) или определенное сочетание их актуальных значений в том или ином эмотивном речевом акте. Система эмоционального дейксиса ЯЛ может быть представлена в виде схемы, где каждая из четырех прямых соответствует одному из его параметров, а именно, эмотивной интенции (ЭИ), модальности (М), направленности (Н) и тональности (Т):

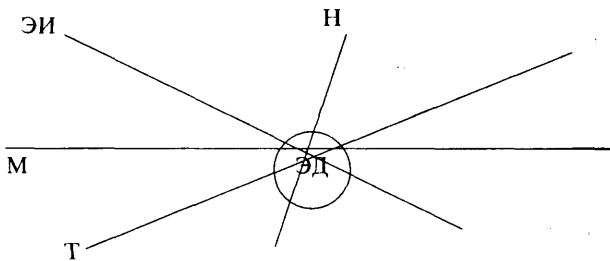


Схема 1

Эта система, по нашему мнению, является отправным пунктом эмоциональной речевой деятельности ЯЛ и находит свое проявление в использовании ею определенных языковых средств (эмотивных знаков) и стратегий речевого поведения. Различные типы эмотивных высказываний могут быть представлены разными сочетаниями названных параметров, при этом сами эти параметры с определенной регулярностью получают отражение в высказывании при помощи особых вербальных сигналов, в том числе и порождаемых ЯЛ "речем". Рассмотрим основные параметры эмоционального дейксиса ЯЛ подробнее.

#### IV. ЭМОТИВНАЯ ИНТЕНЦИЯ И МОДАЛЬНОСТЬ ЭМОЦИЙ ЯЛ

Выше мы отмечали значимость вербального выражения эмоций для межличностного общения, апеллируя при этом к факту наличия у каждой ЯЛ различных эмоциональных потребностей. Учет данного факта особенно важен, по нашему мнению, для правильного понимания содержательного аспекта эмоциональности, который, по мнению Н.В. Витт, связан с ценностными ориентациями личности, важнейшими мотивами, определяющими направленность деятельности, побуждающими к деятельности, с самооценкой личности и с индивидуальным опытом человека [Витт 1987: 45]. Такой же точки зрения придерживается и Н. Фрийда, который считает, что эмоциональное поведение человека по большей части представляет собой интенциональное поведение. В связи с этим сами эмоции могут быть определены как интенциональные структуры, включающие указание на изменение или сохранение сложившейся ситуации и способы их достижения, определенные аспекты этой ситуации, а также "задействованные" в ней объекты [Frijda 1986: 98].

Действительно, деятельность индивида (в том числе и речевая) обусловлена наличием у него определенных потребностей, которые получают отражение в мотивах, установках, интенциях и целях. Итак, первоначальным условием порождения эмоциональной речи является переживание ее субъектом определенных эмоций, выступающих в качестве мотивов к осуществлению речевой деятельности. Тем не менее, наличие одних лишь мотивов не определяет, по нашему мнению, вид деятельности, посредством которой потребность (породившая мотив) может быть удовлетворена. Приведем следующий пример. Допустим, что в результате воздействия сильного стрессора, человек переживает эмоцию гнева. Данное эмоциональное переживание является мотивом к осуществлению некоторых действий, что выражается в появлении определенной интенции: эмоциональной – выразить эмоцию невербально (например, стукнуть кулаком по столу), либо эмотивной – выразить эмоцию вербально. Возникновение эмотивной интенции, выступающей в качестве способа выражения мотива, провоцирует ЯЛ к эмоциональной речевой деятельности. Кроме того, такая интенция представляет собой и условие реализации цели, так как, по мнению Т.М. Дридзе, цель может рассматриваться как стремление к осуществлению определенной коммуникативной интенции [Дридзе 1984: 57]. Представляя, таким образом, равнодействующую мотива и цели, интенция оказывается центральным звеном и определяющим моментом коммуникации, в том числе и эмоциональной.

Принято различать два основных вида эмотивных интенций: эмоциональное воздействие и выражение эмоций. В понимании Е.М. Вольф, первый вид эмотивной интенции реализуется в высказываниях, иллокутивной целью которых является эвокация определенных эмоций у адресата, а второй – в высказываниях, иллокутивная цель которых состоит в выражении эмоционального состояния говорящего [Вольф 1985: 166–167]. Однако во многих случаях не представляется возможным говорить о раздельном существовании подобных интенций. Проблема состоит в том, что выражаемая говорящим эмоциональная оценка (а через нее и его эмоциональное отношение/состояние) направлена, по мнению ряда лингвистов [Вольф 1985; Пиотровская 1995 и др.], на эмоциональное воздействие на адресата, то есть должна каузировать определенную эмоциональную реакцию со стороны собеседника (эмоциональное заражение). В связи с этим Л.А. Пиотровская предлагает измерение выразить эмоциональное состояние самого субъекта речи квалифицировать как иллокутивную цель, а стремление оказать эмоциональное воздействие на адресата – как перлокутивную задачу [Пиотровская 1995: 45].

Таким образом, можно считать, что эмотивная интенция как параметр эмоционального дейксиса представляет собой синтез иллокутивной цели и перлокутивной задачи. Говоря об интенции эмоционального самовыражения, мы имеем в виду доминирование иллокутивной цели в структуре интенции субъекта речи, то есть его намерение определить в вербальной форме эмоциональную значимость какого-либо

события/явления для себя, как в следующем примере, где говорящий дает эмоциональную оценку ситуации с целью презентации собственных эмоций (горе, отчаяние):

*"I can't go on no longer like this. I can't bear it. I can't bear it. I shall do away with myself. I can't bear no more"* (Mansfield. The Cup).

В интенции эмоционального воздействия превалирует перлокутивная задача, то есть намерение говорящего определить в вербальной форме эмоциональную значимость какого-либо события для указания на это адресату с целью оказания влияния на его поведение. В приведенном ниже высказывании субъект речи также дает эмоциональную оценку ситуации. Тем не менее прагматической целью данного речевого акта является эвокация у адресата таких эмоций, как стыд, раскаяние:

*"Oh! it is envious, cruel. And I thought you would be above such a thing"* (Shaw. The Doctor's Dilemma).

Необходимым звеном при изучении эмоциональных процессов и их влияния на различные виды человеческой деятельности является рассмотрение отдельных аспектов эмоциональности. Качественный аспект представляет собой характерное для человека отношение к явлениям действительности, эксплицируемое в модальности и "знаке" доминирующих эмоций. Наше понимание модальности, позаимствованное у психологов [Витт 1983], выступает как уточнение одноименного лингвистического термина. Мы исходим из положения В.Г. Гака о том, что следует различать модальность диктума и модальность модуса. Первая отражает "отношение сообщаемого к действительности с точки зрения говорящего", вторая выражает "знания, волю и чувства" (подчеркнуто нами. – В.Ш., В.Ж.) говорящего по отношению к тому, что сообщается" [Гак 1998: 558]. Именно аспектом второй разновидности и является модальность в разработанном нами понимании эмоционального дейксиса. Мы рассматриваем эмоциональный аспект модальности, включая в объем его понятийного содержания только качественную определенность эмоций. Качественная определенность эмоций (их модальность) реализуется в различных видах эмоциональных переживаний (радость, гнев, печаль и т.д.). В дальнейшем термин модальность эмоции используется для обозначения конкретных видов эмоциональных переживаний.

При рассмотрении качественной специфики эмоций как одного из параметров эмоционального дейксиса особое внимание должно быть уделено таким вопросам, как групповой (кластерный) характер эмоций, а также проблема диффузности и амбивалентности эмоций. Первый из указанных феноменов проявляется в "своеобразном стягивании" большого числа сходных по качеству эмоций вокруг нескольких эмоций более общего характера [Витт 1983: 31]. Такими эмоциями "более общего характера" признаются в психологии и в когнитологии базовые эмоции, о которых уже говорилось выше [Вежицкая 1999: 503–506; Шаховский 2001].

Наряду с такой важнейшей характеристикой эмоций, как их схожее качество, с учетом которого осуществляется объединение эмоций, необходимо учитывать и другую их особенность, а именно различную интенсивность эмоций, составляющих одну группу. Таким образом, можно выделить различные группы (кластеры), внутри которых эмоции отличаются только интенсивностью их переживания и могут быть представлены как разновидности или производные некоторой базовой эмоции. К примеру, такие эмоции, как боязнь, опасение, испуг, ужас, принадлежат, по мнению А. Вежицкой, к группе "страх" [Вежицкая 1999: 567]. Кроме того в эту группу могут быть включены беспокойство, озабоченность, тревога. Е.М. Вольф отмечает, что эмоции группы "гнев" также могут быть дифференцированы по степени интенсивности: а) слабая степень эмоции – досадовать, раздражаться; б) средняя степень эмоции – сердиться, злиться; в) сильная степень эмоции – возмущаться, негодовать; г) высшая степень проявления эмоции, т.е. аффект – приходиться в ярость, бешенство [Вольф 1989: 60]. Замечено, что существуют довольно устойчивые связи между эмоциями, не только разными по тональности и модальности, но даже и полярными (как в немецком эмонеме *Haßliebe*).

Кластерность и взаимопроникновение эмоций, переживаемых человеком, являются отличительными особенностями протекания эмоциональных процессов. Это обуславливает такую характеристику эмоций как отсутствие четких границ между ними, то есть их диффузность. В связи с этим вспоминается стихотворение У. Блейка, цитируемое Эланом, одним из персонажей пьесы Дж. Пристли "Time and the Conways":

"Joy and woe are woven fine,

A clothing for the soul divine;

Under every grief and pine

Runs a joy with silken twine..." (Priestley. Time and the Conways).

Проявление амбивалентности эмоций мы видим в презентации двухзначковых (+/-) вариантов одной и той же базовой эмоции, например, радость (+)/злорадство (-); радостное (+)/грустное (-) удивление. Амбивалентность эмоций получает реализацию в полиэмотивности различных языковых единиц и речевых структур. На уровне лексикона, как показывают результаты исследования английской аксиологической лексики, полиэмотивность реализуется посредством явления энантиосемии [Ретунская 1996: 77-87]. Ярким примером амбивалентности вербализованных эмоций является и семантика многих междометий [Вежбицкая 1999: 611-650] и фразеологизмов [Телия 1996: 184-186; Цоллер 2000: 56-64].

Комплексный характер выражаемых в высказывании эмоций находит отражение и в смысловой структуре высказывания, в которой могут быть вычленены семантические компоненты (эмотивные смыслы), одновременно соответствующие нескольким эмоциям. Предполагается, что эти семантические компоненты иерархизированы и можно говорить о некоторой эмоциональной доминанте эмотивного высказывания [Антропова 1995: 43; Астен 2000: 20].

Модальность (качественная специфика) переживаемых говорящим эмоций представляется, таким образом, одним из главных факторов, отвечающих как за формирование эмотивной интенции ЯЛ, так и за выбор средств ее вербального воплощения в эмотивном высказывании.

Параметры тональности и направленности, к рассмотрению которых мы переходим, также представляют собой важные аспекты формирования эмоциональной позиции ЯЛ, т.е. являются еще двумя дейктиками этой позиции.

## У. НАПРАВЛЕННОСТЬ И ТОНАЛЬНОСТЬ ЭМОЦИЙ

В широком понимании направленность эмоций реализуется в качестве "адресованности" к каким-либо элементам ситуации, к непосредственному окружению, то есть к некоторой структурной единице когнитивного образа. Иными словами, направленность проявляется в эмоциональном реагировании на определенные объекты [Виллюнас 1986; Витт 1987 и др.]. В лингвистике большей популярностью пользуется узкое понимание направленности, сформулированное Д. Юмом. Согласно его концепции, направленность представляет собой "транзитивность эмоций, допускающую их разделение по дихотомическому принципу: эмоции, могущие обратиться на самого субъекта, например, гнев, или же - на других людей - ненависть" [Витт 1983: 28].

По мнению ряда лингвистов [Ионова 1998; Пиотровская 1995; Шаховский 1988; Юдина 1973; Филимонова 2001 и др.], вербальные средства выражения эмоций в актуальном употреблении субъектом речи выступают в качестве сигналов его эмоционального состояния/отношения.

Эмоциональное состояние имеет лишь двухкомпонентную структуру, куда входит субъект состояния и эмоциональный признак. Кроме того, эмоциональное состояние обладает рядом специфических свойств, таких как временный, непостоянный характер, или ограниченная протяженность во времени, статичность и неконтролируемость [Силин 1988: 4].

Эмоциональное отношение, в отличие от эмоционального состояния, предполагает наличие третьего компонента, то есть некоторого объекта, на который направлены

эмоции (адресат, третье лицо, любой из объектов ситуации, ситуация в целом). Согласно когнитивной теории эмоций, ненаправленные эмоции отличаются от направленных своей структурой, так как последние включают некоторое эмоциональное переживание (являющееся разновидностью одной из базовых эмоций) плюс когнитивное представление о том, на что направлена эмоция, то есть указание на эмоциональные отношения между субъектом и объектом эмоции [Johnson-Laird, Oatley 1989: 98–99].

А. Вежбицкая предлагает одним из семантических признаков отграничения эмоциональных состояний от эмоциональных отношений считать признаки 'это плохо для меня' и 'это плохо' [Вежбицкая 1999: 634].

Итак, эмоциональное отношение представляет собой эмоциональное переживание, вызванное внешним (относительно говорящего) объектом и не соотносимое им со своей личностной сферой в плане утилитарности, в то время как эмоциональное состояние предполагает, что некое событие, эмоционально оцениваемое субъектом речи, может принести пользу/ущерб (как материальный, так и моральный) самому говорящему. Этот дополнительный эмотивный смысл "это плохо/хорошо для меня", актуализирующий внутренние эмоциональные переживания иного рода (чем при эмоциональном отношении), и позволяет различать эмотивные высказывания, направленные на выражение эмоционального состояния и эмоционального отношения говорящего.

Для иллюстрации приведенного выше положения рассмотрим следующие примеры:

*"No cancer will be worse than mine, Sally, nor more virulent, more horrendous, more agonizing. I am scared, Sally. I am very, very scared"* (McNally. Lips Together, Teeth Apart).

В первом из этих примеров эмотивной интенцией субъекта речи является выражение его эмоционального состояния. Джон считает, что он обречен, так как у него рак, хотя и на начальной стадии. Пытаясь найти сочувствие и поддержку у Сэлли, он не только дает отрицательную эмоциональную оценку данной ситуации через эмотивные вербемы (*worse, virulent, agonizing, etc.*), но и в эксплицитной форме экстраполирует эту эмоциональную оценку на свою личную сферу (*than mine*), прибегая при этом к приемам гиперболизации и "нагнетания" эмотивов. Это и позволяет квалифицировать данное эмоциональное переживание как эмоциональное состояние страха и отчаяния.

Во втором высказывании субъект речи выражает свое негативное эмоциональное отношение (неодобрение) по поводу необходимости говорить правду при любых обстоятельствах в форме образного сравнения (*as healthy as skidding round a corner at 60*). Отрицательная оценка в данной ситуации не сопряжена с дополнительным смыслом "это плохо для меня": *"I think telling the truth is about as healthy as skidding round a corner at 60"* (Priestley. Dangerous Corner).

Другим важным параметром представления эмоционального дейксиса ЯЛ в ее речевых актах является т о н а л ь н о с т ь эмоций. Наше понимание тональности также выступает своего рода уточнением содержания принятого в лингвистике и литературоведении понимания тональности как основной эмоциональной настроенности содержания произведения. В своей концепции эмоционального дейксиса ЯЛ мы выделяем только один аспект ее эмоциональной настроенности, а именно ее эмоциональную оценку по признаку позитивности/негативности как результат соответствия/несоответствия ситуации, в которой оказался субъект речи, некоторому стандарту, принятому в той или иной лингвокультурной общности. Таким образом, термин т о н а л ь н о с т ь рассматривается нами применительно к самим эмоциям в связи с тем, что в психологии и психолингвистике общепринятым является деление эмоций на две большие группы – отрицательные и положительные. Знак эмоций является их важнейшей отличительной особенностью, а также характеристикой их качественного аспекта, тесно связанной с м о д а л ь н о с т ь ю эмоций.

Различные психологические концепции используют разные критерии разделения эмоций на отрицательные и положительные. Несмотря на то, что все они основаны на оценке роли переживаемых эмоций, во внимание принимаются различные аспекты такой оценки. Можно выделить несколько подходов к определению знака эмоций: 1) с точки зрения их мобилизации возможностей субъекта (то есть мобилизующей функции) или наоборот – дезорганизации его деятельности; 2) с точки зрения соотношенности эмоций с потребностями индивида и их удовлетворением/неудовлетворением; 3) с точки зрения субъективной гедонистической оценки субъекта, в том числе и речевой деятельности. Согласно первому подходу, отличительным признаком положительных эмоций является их стимулирующее или мобилизующее воздействие; для отрицательных эмоций характерно дезорганизующее влияние на субъекта. Отметим, что бесспорность данного утверждения применительно к речевой деятельности языковой личности представляется неоднозначной, так как полярные по знаку эмоции могут оказывать и тот, и другой вид воздействия. Например, сильное радостное возбуждение и возмущение могут привести к ухудшению качества производимой речи. Свидетельством этого являются такие фразы, как *Я не могу найти слов, чтобы выразить свое восхищение* и *У меня не хватает слов, чтобы выразить свое возмущение* (ср. англ.: *I am dumbfounded at your goodness. It takes my speech away* и *I am dumbfounded by your rudeness*).

Еще одним подтверждением сложной природы отношений между знаком эмоций и их воздействием на речевую деятельность индивида являются результаты экспериментального исследования характера влияния, оказываемого различными эмоциональными состояниями человека на способы его аргументации, полученные Н. Шварцом и Г. Блессом. Рассматривая различные аспекты социального поведения людей в зависимости от их настроения, исследователи отмечают, что приподнятое настроение как компонент эмоционального дейксиса ЯЛ вызывает "оптимистический крен" приводимых аргументов, в результате чего говорящий старается избежать построения длинных логических цепочек и доказательств. По мнению исследователей, тот факт, что в подобной ситуации говорящий стремится найти самый экономичный способ аргументации (путем использования штампов и стереотипов, а также наиболее очевидных выводов, либо выбирает творческий подход), свидетельствует о высокой когнитивной нагрузке его речевого поведения. Напротив, способы приведения доводов, используемые в подавленном настроении (иной эмоциональный дейксис), обладают меньшей когнитивной нагрузкой, так как они связаны с большим количеством логических рассуждений по поводу событий, вызвавших данное эмоциональное состояние, и большим количеством отрицательных суждений, особенно в отношении собственной персоны, и с отсутствием креативности.

В соответствии с результатами проведенных исследований, тональность эмоций влияет также и на такую особенность когнитивной деятельности ЯЛ, как способ категоризации явлений окружающего мира (так, для приподнятого настроения характерным является использование более широких категорий) [Schwarz, Bless 1991: 55–69]. К подобным выводам в ходе своих исследований пришел и К. Фидлер [Fiedler 1991: 100–101].

В соответствии со вторым подходом, отрицательное эмоциональное состояние представляет собой потребность, а положительное – ее удовлетворение, иначе говоря, в том случае, когда события способствуют реализации целей индивида, возникают положительные эмоции, если же эти обстоятельства препятствуют, либо ведут к неосуществлению его планов, то есть к неудовлетворению потребностей, возникают отрицательные эмоции. В рамках данного подхода осуществляют свои исследования Н. Фрийд, Н. Шварц и Г. Блесс, по мнению которых, положительные эмоции информируют переживающего их субъекта о том, что окружающий его мир – безопасное место, никоим образом не ставящее под угрозу преследуемые им в данный момент цели. Отрицательные эмоции сообщают субъекту о проблематичности сложившейся ситуации, грозящей привести к нежелательным последствиям [Schwarz, Bless 1991: 59].

В рамках третьего подхода дифференциация положительных и отрицательных эмоций осуществляется на основании субъективной гедонистической оценки говорящего: к положительным относятся эмоциональные проявления, вызывающие удовольствие, в то время как к отрицательным – эмоции, связанные с неудовольствием.

Представляется, что для определения тональности эмоций субъекта речи оптимальным является комплексное применение всех трех критериев: мобилизующего/ дезорганизирующего влияния эмоций на речевую деятельность; удовлетворения/ неудовлетворения его потребностей; соотношение эмоционального переживания с личной сферой говорящего. Знак эмоций находится в тесной взаимосвязи с другими параметрами эмоционального дейксиса ЯЛ (эмотивной интенцией, модальностью, направленностью) и оказывает влияние и на план содержания, и на план выражения эмотивных высказываний, порожденных ЯЛ в эмоциональных коммуникативных ситуациях [Шаховский 1998а].

Иллюстративным материалом к сказанному выше об эмотивной интенции ЯЛ, модальности, групповом характере эмоций, направленности и тональности эмоций может служить пример из рассказа Ф.М. Достоевского "Маленький герой". Анализ дескриптивного контекста, характеризующего эмоции главного героя рассказа, одиннадцатилетнего мальчика, в различных ситуациях показал, что приведенная ниже эмоциональная речевая ситуация является типической для его эмоционального речевого поведения. Его психика находится в стадии формирования, поэтому он бурно реагирует на различные эмоциогенные события. Герой переживает первую в своей жизни влюбленность, поэтому его неотступно сопровождают такие эмоциональные переживания, как смущение, стыдливость. Новизна и необычность испытываемых чувств вызывают и эмоции удивления, и страха. Перлокутивная задача состоит в эвокации определенного эмоционального состояния у подруги своей возлюбленной (чувства стыда, вины). Комплексный характер эмоций, переживаемых мальчиком при создании данного упрека, находит свое выражение и в направленности его эмоций (эксплицируется и эмоциональное состояние, и эмоциональное отношение ребенка), при этом все эмоции являются отрицательными – это тональный дейктик.

При осуществлении данного речевого акта эмоциональное отношение героя может быть охарактеризовано при помощи такой эмоции, как осуждение, что было выявлено нами путем сравнения этой речевой ситуации с прототипической для возникновения данной эмоции ситуацией: "осуждение предполагает убежденность субъекта оценки в том, что ее объект совершает какие-либо серьезные нарушения сознательно и целенаправленно, то есть виновен в несоблюдении законов, порядков, традиций" [Графова 1991: 94]. Модальности ненаправленных эмоций главного героя, определенные сходным образом, включают эмоции смущения, стыда, возмущения, страха и др. К такому выводу мы пришли в результате соотнесения данной эмоциональной коммуникативной ситуации с прототипическими ситуациями для упомянутых эмоций. Стыд является результатом оценки индивидом собственного поведения как в высшей степени несовместимого с внутренними (личностными) и внешними (принятыми в данном социуме) нормами поведения. Стыд появляется в ситуациях, когда индивид терпит неудачу или проявляет слабость, причем этот факт становится известным другим людям [Gehm, Scherer 1988 : 73].

Возмущение представляет собой разновидность такой базовой эмоции, как гнев. Возникновение данного эмоционального состояния обусловлено столкновением субъекта речи с вызывающими затруднения и проблемы, несвоевременными или аморальными обстоятельствами или действиями.

Страх является результатом возникновения непредвиденных обстоятельств/событий, которые создают серьезные препятствия для осуществления индивидом своих планов/нормальной жизнедеятельности, в силу того, что он не обладает достаточным потенциалом для того, чтобы эти препятствия преодолеть.

*"И хотя тогда же я догадался, что на мою долю выпадала самая досадная роль, – однако ж был до того смущен, раздражен и испуган, что полный слез, тоски и от-*



чаяния, задыхаясь от стыда, прорвался через два ряда кресел, ступил вперед и обращаясь к моей тиранке, закричал прерывающимся от слез и негодования голосом:

– **И не стыдно вам ...вслух ... при всех дамах ... говорить такую худую ... неправду?!. Вам, точно маленькой ... при всех мужчинах ... Что они скажут?... вы – такая большая, замужняя!...**" (Достоевский, 1989 : 155).

Вербальными сигналами направленных эмоций выступают лексические оценочные средства (*худая неправда; и не стыдно вам*), лексические стилистические средства (сравнение – *Вам, точно маленькой*). Ненаправленные эмоции объективируются в этой эмоциональной ситуации в комплексе с синтаксическими средствами (вопросительно-апеллятивные структуры, повторы, незаконченные, эллиптические и логически несвязанные предложения – возмущение; во фразах *при всех мужчинах; Что они скажут?* – стыд, страх).

Указанные выше эмоциональные переживания можно считать доминантами эмоционального поведения героя этого рассказа, что и отражено в его эмоциональном дейксисе, получившем вербальную объективацию в приведенном отрывке.

Итак, эмоциональная речевая деятельность ЯЛ является результатом, с одной стороны, ее потребностей, находящий выражение в интенциональном параметре эмоционального дейксиса, а с другой, результатом соотношения этих потребностей с существующими предпосылками для их удовлетворения, что получает свою реализацию в качестве (а именно, в направленности, модальности и тональности) переживаемых языковой личностью эмоций. Уточнение смыслового содержания описанных выше параметров эмоционального дейксиса ЯЛ, состоящее в установлении возможных вариантов их реализации в речевой деятельности ЯЛ, а также определение влияния, оказываемого ими на форму и содержание ее речевой деятельности и является, на наш взгляд, доказательством обоснованности представления эмоционального дейксиса в терминах именно этих параметров и оправданности экстраполяции параметрического подхода к изучению эмоций на уровень эмотивного высказывания.

Приведенные выше теоретические рассуждения, по нашему мнению, могут способствовать установлению корреляций между выделенными параметрами и отдельными языковыми средствами в рамках различных видов эмоционального дейксиса. Эти виды, как было показано выше, зависят от различных комбинаций четырех параметров – эмоциональных характеристик ЯЛ как субъекта речи: 1) эмотивной интенции (выражение эмоций или эмоциональное воздействие); 2) модальности эмоций (виды эмоциональных переживаний: радость, гнев, etc.); 3) тональности эмоций (отрицательные/положительные); 4) направленности эмоций (направленные/ненаправленные).

Кроме этого, тип эмоционального дейксиса ЯЛ зависит и от ряда других факторов, которые будут рассмотрены нами в другой работе.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алферов А.В. 2001 – Интеракциональный дейксис как средство организации речевого взаимодействия (на материале французского языка): Автореф. дис. ...док. филол. наук. М., 2001.
- Антропова М.В. 1995 – Личностные доминанты и средства их языкового выражения (на материале художественных текстов): Дис. ...канд. филол. наук. М., 1995.
- Апресян Ю.Д. 1986 – Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика: Сб. научных статей ВИНТИ. М., 1986.
- Апресян Ю.Д. 1995 – Интегральное описание языка и система лексикографии // Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. 2. М., 1995.
- Астен Т.Б. 2000 – Формирование межтекстуального эмоционального фона средствами английского языка: Автореф. дис. ...канд. филол. наук. Волгоград, 2000.
- Бюлер К. 1993 – Теория языка. М., 1993.
- Вежбицкая А. 1999 – Семантические универсалии и описание языков. М., 1999.
- Вилюнис В.К. 1986 – Психологические механизмы биологической мотивации. М., 1986.
- Витт Н.В. 1983 – Эмоциональная регуляция речевого поведения при общении. М., 1983.

- Витт Н.В.* 1987 – Эмоциогенность ситуаций в учебной деятельности и психологические предпосылки ее регуляции. М., 1987.
- Вольф Е.М.* 1985 – Функциональная семантика оценки. М., 1985.
- Вольф Е.М.* 1989 – Эмоциональные состояния и их представление в языке // *Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов.* М., 1989.
- Вунот В.* 1984 – Психология душевных волнений // *Психология эмоций. Тексты.* М., 1984.
- Гак В.Г.* – Языковые преобразования. М., 1998.
- Графова Т.А.* 1991 – Смысловая структура эмотивных предикатов // *Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности.* М., 1991.
- Гумбольдт В. фон* 1984 – Избранные труды по языкознанию. М., 1984.
- Дридзе Т.М.* 1984 – Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации. Проблемы семиосоциопсихологии. М., 1984.
- Жура В.В.* 2000 – Эмоциональный дейксис в вербальном поведении английской языковой личности: Дис. ...канд. филол. наук. Волгоград, 2000.
- Звегинцев В.А.* 1976 – Предложение и его смысл. М., 1976.
- Изард К.Е.* 1999 – Психология эмоций. СПб., 1999.
- Илюшечкина Л.А.* 1995 – Социальный дейксис в русском и французском языках: штрихи к коммуникативному профилю // *Языковая картина мира: Материалы Всероссийской научной конференции.* Кемерово, 1995.
- Ионова С.В.* 1998 – Эмотивность текста как лингвистическая проблема: Дис. ...канд. филол. наук. Волгоград, 1998.
- Караулов Ю.Н.* 1987 – Русский язык и языковая личность. М., 1987.
- Кацнельсон Д.С.* 1988 – Заметки о падежной теории Филлмора // *ВЯ.* 1988. № 1.
- Кравченко А.В.* 1992 – Вопросы теории указательности: Эгоцентричность. Дейкитичность. Индексальность. Иркутск, 1992.
- Кравченко А.В.* 2001 – Знак, Значение, Знание. Очерк когнитивной философии языка. Иркутск, 2001.
- Кубрякова Е.С. и др.* 1996 – Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996.
- Макаров М.Л.* 1988 – Социально-дейктическое измерение стиля // *Языковое общение: процессы и единицы.* Калинин, 1988.
- Минский М.* 1979 – Фреймы для представления знаний. М., 1979.
- Петренко В.Ф.* 1988 – Психосемантика сознания. М., 1988.
- Пиотровская Л.А.* 1995 – Лингвистическая природа эмотивных высказываний (на мат. русского и чешского языков): Дис. ...док. филол. наук. СПб., 1995.
- Пирс Ч.С.* 2000 – Логические основания теории знаков. СПб., 2000.
- Пицальникова В.А.* 1989 – Стилистические функции эмоционально-оценочной лексики в рассказе В. Шукшина "Три грации" // *В.М. Шукшин. Жизнь и творчество: Тез. докл. Всесоюзной научно-практической конференции.* Барнаул, 1989.
- Поспелова А.Г.* 2001 – Речевые приоритеты в английском диалоге: Дис. ...док. филол. наук. СПб., 2001.
- Рахимов С.* 1986 – Проблема дейксиса как категории сопоставительной грамматики // *Филологические науки.* 1986. № 3.
- Ретунская М.С.* 1996 – Английская аксиологическая лексика. Нижний Новгород, 1996.
- Рубинштейн С.Л.* 1984 – Эмоции // *Психология эмоций. Тексты.* М., 1984.
- Селяев А.В.* 1995 – Сопоставительный анализ лингвистических средств выражения положительных и отрицательных эмоций в британском и американском вариантах английского языка: Дис. ...канд. филол. наук. Нижний Новгород, 1995.
- Силин А.А.* 1988 – Средства описания эмоционального состояния: Автореф. дис. ...канд. филол. наук. М., 1988.
- Сорокин Ю.А.* 1985 – Психолингвистические аспекты изучения текста. М., 1985.
- Телия В.Н.* 1986 – Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М., 1986.
- Телия В.Н.* 1991 – Механизмы экспрессивной окраски языковых единиц // *Человеческий фактор в языке: языковые механизмы экспрессивности.* М., 1991.
- Телия В.Н.* 1996 – Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурный аспекты. М., 1996.
- Филимонова О.Е.* 2001 – Язык эмоций в английском тексте. – СПб., 2001.
- Филлмор Ч.* 1981 – Дело о падеже открывается вновь // *Новое в зарубежной лингвистике. Вып. X: Лингвистическая семантика.* М., 1981.
- Цоллер В.Н.* 2000 – Эмоционально-оценочная энантиосемия фразеологизмов // *Филологические науки.* 2000. № 4.

- Шаховский В.И.* 1988 – Категоризация эмоций в лексико-семантической системе (на мат. англ. яз.): Дис. ...док. филол. наук. М., 1988.
- Шаховский В.И.* 1991 – О роли эмоций в речи // Вопросы психологии. 1991. № 6.
- Шаховский В.И.* 1998а – Языковая личность в эмоциональной коммуникативной ситуации // Филологические науки. 1998. № 2.
- Шаховский В.И., Сорокин Ю.А., Томашева И.В.* 1998б – Текст и его когнитивно-эмотивные метаморфозы (межкультурное понимание и лингвоэкология). Волгоград, 1998.
- Шаховский В.И.* 1998в – Эмоциональный дейксис речевого жанра // Языковая личность: жанровая речевая деятельность. Волгоград, 1998.
- Шаховский В.И.* 2001 – Когнитивные ресурсы эмоциональной языковой личности // Языковая личность: проблемы когниции и коммуникации. Волгоград, 2001.
- Юдина Н.Е.* 1973 – К вопросу об эмотивных конструкциях в составе диалогических единств: Автореф. дис. ...канд. филол. наук. М., 1973.
- Abelson R.P.* 1981 – Psychological status of the script concept // *American psychologist*. 1981. V. 36.
- Boucher S.D., Brandt M.E.* 1981 – Judgement of emotion: American and Maloy antecedents // *Journal of cross-cultural psychology*. 1981. V. 12.
- Brown P., Levinson S.* 1987 – Politeness: Some universals in language usage. Cambridge, 1987.
- Bühler K.* 1982 – Deixis ad Phantasma and the anaphoric use of deictic words // *Speech, place and action*. 1982.
- Clore G.L., Ortony A.* 1991 – What is more to emotion concepts than prototypes? // *Journal of personality and social psychology*. V. 60. 1991.
- Duden* 1962 – Der grosse Duden: Grammatik den deutschen Gegenwartssprache. Mannheim, 1962.
- Driven R.* 1997 – Emotions as cause and the cause of emotions // *The language of emotions*: Amsterdam: Philadelphia, 1997.
- Ekman P.* 1972 – Universal and cultural differences in facial expressions of emotions // *Nebraska symposium on motivation* / Ed. by J.K. Cole, Lincoln, 1972.
- Fiedler K.* 1991 – On the task, the measures and the mood in research on affect and social cognition // *Emotion and social judgements* / Ed. by J.P. Forgas. London, 1991.
- Frijda N.H.* 1986 – The emotions. Cambridge, 1986.
- Frijda N.H.* 1987 – Emotion, cognitive structure, and action tendency // *Cognition and emotion*. V. 1. 1987.
- Gallois C.* 1993 – The language and communication of emotion: interpersonal, intergroup, or universal? // *American behavioral scientist*. V. 36. 1993.
- Gehm T., Scherer K.* 1988 – Factors determining the dimensions of subjective emotional space // *Facets of emotion* // Ed. by K.R. Scherer. Hillsdale (New Jersey), 1988.
- Johnson-Laird P.N., Oatley K.* 1989 – The language of emotions: An analysis of a semantic field // *Cognition and emotion*. V. 3. 1989.
- Lasarus R.* 1984 – On the primacy of cognition // *American psychologist*. V. 39. 1984.
- Osgood C.E., May W.H., Miron M.S.* 1975 – Cross-cultural universals of affective meaning. Urbana, 1975.
- Rosch E.* 1977 – Human categorization // *Studies in cross-cultural psychology*. San Diego, V. 1. 1977.
- Rosch E.* 1978 – Principles of categorization // *Cognition and categorization*. Hillsdale (New Jersey), 1978.
- Russell J.A.* 1991a – Culture and the categorization of emotions // *Psychological bulletin*. V. 110. 1991.
- Russell J.A.* 1991b – In defense of a prototype approach to emotion concepts // *Journal of personality and social psychology*. V. 60. 1991.
- Schwarz N., Bless H.* 1991 – Happy or mindless, but sad and smart? The impact of affective states on analytic reasoning // *Emotion and social judgements* / Ed. by P. Forgas. London, 1991.
- Shakhovsky V.* 1996 – Emotional level of human communication // *Bridging cultures. A joint international collection of scientific papers*. New Jersey; Volgograd, 1996.
- Shakhovsky V.* 1998 – On emotional semantics // *Hermeneutics in Russia*. 1998. № 4.
- Shakhovsky V.I.* 1999–2000 – The Russian language personality and its neologisms in emotional communicative situations // *Imagination. Cognition and personality. The official journal of the American association for the study of mental imagery*. V. 19. 1999–2000.
- Shimanoff S.* 1987 – Types of emotional disclosures and request compliance between married spouses // *Communication monographs*. V. 54. 1987.
- Sitta G.* 1993 – Deixis and pointing gestures // *Semiotica*. V. 96, № 3–4.
- Stevenson Ch.* 1974 – Some pragmatic aspects of meaning // *Readings in semantics*: Illinois, 1974.
- Wettler M.* 1980 – Sprache, gedächtnis, Verstehen. Berlin, 1980.
- Zajonc R.B.* – On the primacy of affect // *American psychologist*. V. 35. 1984.